

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Б. С. СОКОЛОВ

В. В. ТИХОМИРОВ В ИСТОРИИ НАУК О ЗЕМЛЕ

Владимир Владимирович Тихомиров (1915–1994) был личностью необыкновенной, запоминающейся на всю жизнь. В нашей памяти он навсегда остался человеком долга, чести, мужества и непоколебимого упорства во всех делах, задуманных им самим или ставших его героической судьбой. Природа одарила его редкой наблюдательностью, острой памятью и удивительной трудоспособностью, а судьба не замедлила испытать все эти качества в условиях самых драматических. Война разделила жизнь этого замечательного человека на две части, когда он перешагнул свое 28-летие. По одну сторону остался блестящий молодой геолог, уже проявивший себя в изучении Малого Кавказа, и обаятельный штурман ночного бомбардировщика на Ленинградском фронте. По другую — были мрак и неизвестность: 18 апреля 1944 г. случайным взрывом противотанковой мины в районе поселка Толмачево Лужского района В. В. Тихомиров был тяжело ранен и навсегда потерял зрение.

Ленинградский фронт, с. Озерки. Май 1943 г.

1970-е гг.

Трудно вообразить, что пережил, придя в сознание и оказавшись в полной темноте и одиночестве, молодой летчик и будущий исследователь. Скажу только, что необыкновенная сила духа и ясность интеллекта Владимира Владимировича, да неизменное участие друзей-геологов помогли ему справиться с этой трагедией и найти тот *modus vivendi*, который позволил В. В. Тихомирову занять достойнейшее место в науке, получить глубокое уважение коллег во всем мире. Уже в 1945 г. он поступил в аспирантуру Московского геолого-разведочного института (кафедра В. В. Белоусова); в 1949 г., минув кандидатскую ученую степень, сразу защитил докторскую диссертацию и одновременно был приглашен Н. С. Шатским в Геологический институт АН в будущий Кабинет истории геологических наук и в редакцию отдела истории естествознания и техники Большой Советской Энциклопедии (2-е издание). С этого времени началась его беспримерная по своей продуктивности деятельность историка геологических знаний и организатора этих исследований не только в нашей стране, но и в мировом масштабе.

Владимир Владимирович — геолог от Бога. Только около 10 лет ему было суждено зрительно изучать сложнейшую горную структуру Кавказа, заниматься стратиграфией, литологией, тектоникой, гидрогеологией, поисками полезных ископаемых, вести геологическую съемку, пользоваться различной картографией, геологической и аналитической аппаратурой, воочию знакомиться с огромной научной литературой. Но профессиональный взгляд, цепкий ум и обостренная память заложили столь основательный фундамент в разносторонних геологических знаниях В. В. Тихомирова, что он до конца дней своих оставался не только полноценным слушателем докладов, научных выступлений и литературных чтений, какого бы вопроса они ни касались на карте Земли, но и умелым председателем конференций и совещаний, мастерски пользующимся своей огромной эрудицией и редкостной способностью обнаруживать связи между отдельными геологическими явлениями и процессами там, где они не были еще достаточно очевидны. Все эти способности Владимира Владимировича были феноменальны и бесценны. Вероятно, они были его природным даром, но они оказались необычайно обостренными его памятью и выработанными особенностью умственного зора. Поэтому, выезжая в разные страны и посещая в поле геологические разрезы, он никогда не давал повода своим зрячим спутникам усомниться в его профессиональной способности делать геологические заключения на месте, привлекая при этом из своей обширной памяти важнейшие сравнительные сведения.

Полагаю, что выдающимся историком науки, и особенно в области наук о Земле, В. В. Тихомиров стал не только в силу сложившихся роковых обстоятельств, он был историком по складу своего ума, умению проследить судьбу научных идей и концепций в различных направлениях естествознания и в самой истории, по неистощимому интересу к личности ученых, собирательству и хранению данных истории науки. Удивительная удача, что в науках о Земле в Академии наук оказался столь блестяще подготовленный, образованный ученый и организатор. Пример его деятельности и первые результаты обратили на себя внимание не только в геологии, но и в других науках, в истории науки вообще. Здесь он был прямым продолжателем деятельности таких ученых, как В. И. Вернадский, В. А. Обручев, Н. С. Шатский, но ни одному из них не удалось организовать историковедческую работу в области геологии столь целеустремленно, показать ее неоспоримое значение в деятельности международных геологических конгрессов (МГК). Начиная с 1968 г. на всех сессиях МГК обязательно работают секции по истории геологических наук. Это прямая научная заслуга Владимира Владимировича, получившая мировое признание не только в геологии, но и в Международной академии исто-

рии наук в Париже. А отечественная наука, благодаря его инициативе и редакторской деятельности, обогатилась такими многотомными серийными изданиями, как «Очерки по истории геологических знаний» (30 выпусков), «Геологическая изученность СССР» (52 тома); ему принадлежат важнейшие исторические обзоры, руководства по истории геологии в стране и сотни других публикаций. Созданный полстолетия тому назад (1951) Кабинет истории геологических наук под руководством В. В. Тихомирова превратился сейчас в важнейший центр по истории геологических знаний, без которого теперь немыслима полноценная современная деятельность Отделения геологии, геофизики, геохимии и горных наук Академии наук (ОГГГГН).

Мое личное знакомство с В. В. Тихомировым относится к началу 50-х гг., когда я, оставив китайскую и среднеазиатскую тематику, целиком переключился на нижний палеозой и поздний докембрий Восточно-Европейской платформы, Урала и Сибири в связи со стратиграфией, палеонтологией и составлением первых литолого-фациальных и палеогеографических карт этих геологических эпох. Первым моим шагом был сбор материалов и фотографий, касающихся Ф. Б. Шмидта, — этого выдающегося знатока нижнего палеозоя Прибалтики, еще в XIX в. допускавшего наличие неизменного докембрия в осадочном чехле платформы (небольшой очерк о Шмидте был опубликован в Ленинграде в 1953 г.). Но более частыми наши встречи стали после того, когда в 1958 г. я был избран членом-корреспондентом АН СССР, и стал участвовать в Общих собраниях Академии и Отделения, многочисленных в то время конференциях, симпозиумах и когда у меня появились академические обязанности не только в Новосибирском академгородке, но и в Ленинграде (Всероссийское палеонтологическое общество, Межведомственный стратиграфический комитет), Москве (Геологический и Палеонтологический институты — Проблемсовет) и в международных программах. В 1975 г. я был избран академиком-секретарем Отделения геологии, геофизики, геохимии и горных наук и членом Президиума АН и вскоре стал добиваться вакансии члена-корреспондента по специальности «история геологии» для избрания В. В. Тихомирова членом Академии. К великому сожалению, мне не удалось убедить членов Президиума АН, что история науки — это такая же наука, как и любая другая, только еще более важная, так как включает в себе весь исторический опыт и методологию науки. Только пропустив очередную выборную кампанию и изменив номенклатуру специальности на «геологию», Отделение получило право на соответствующий конкурс. Нет нужды говорить, что как на Общем собрании ОГГГГН, так и на Общем собрании АН результаты голосования были превосходными: в 1981 г. В. В. Тихомиров был избран членом-корреспондентом АН СССР по специальности «геология». Это был успех явно выходящий за рамки одного специализированного Отделения Академии.

Начиная с 70-х гг. мне посчастливилось довольно часто и подолгу жить с В. В. Тихомировым в академическом санатории «Узкое». Одно время, после избрания членом Президиума Академии наук, я вообще жил там постоянно в ожидании квартиры. Это было очень удобно: кров, корм, медицина и интереснейшее общество ученых изо дня в день. С неторопливой жадностью Владимир Владимирович интересовался всем, на что я обращал внимание в науках о Земле и жизни, а я в свою очередь не переставал удивляться широте и точности его знаний, особенно в области истории науки, что меня всегда привлекало. А однажды он поразил меня вопросом: «А какое сегодня вечером будет кино?» (В «Узком» 2–3 раза в неделю всегда были киносеансы.) Я был несколько удивлен и, конечно, назвал картину. Он спросил: «А вы пойдете?» — «Пожалуй, пойду». — «А вас не затруднит захва-

тить меня с собой?» — «Буду только рад». — «Тогда давайте сядем чуть в сторону, и вы мне будете тихо говорить, что происходит на экране». — «Отлично». После ужина мы сидели в зале в тесно сдвинутых креслах. Чувствуя непривычность и ответственность своей роли, я тщательно перечислил всех действующих лиц и далее полупшепотом сообщал происходящее на экране, позволяя себе иногда легкомысленные комментарии. Владимир Владимирович изредка переспрашивал и все время был очень внимателен. После фильма я проводил его до комнаты. А сам перед сном, как всегда, почитал и к утру от картины у меня остались только отдельные эпизоды. Но во время утренней прогулки В. В. Тихомиров решил полностью обсудить весь фильм. Я был поражен услышанным. Оказалось, что мою легковесную, моментами игривую, трансляцию он переводил в образы и связную сюжетную динамику и в конечном счете понял суть фильма намного лучше меня. Я был попросту пристыжен.

Как-то зимой В. В. Тихомиров поинтересовался, хожу ли я на лыжах в парке. Я ответил, что нет, только гуляю по дорожкам. — «А вы не могли бы завтра поставить меня на хорошую лыжню? Место здесь ровное, рельеф я хорошо знаю. Ни сопровождать, ни встречать меня не надо, я вернусь сам и здесь же сниму лыжи». Конечно, с некоторого расстояния я наблюдал, как спокойно двигался этот слепой человек по березовой аллее, и завидовал твердости его духа.

Еще более удивительными были полевые экскурсии Владимира Владимировича во время различных научных и геологических конгрессов, когда в сопровождении спутника слушая устную характеристику стратиграфического разреза или структуры, он и в другой стране наблюдаемое чужими глазами явление воспринимал как видимое. Значительно проще было воссоздавать в голове описание строительных архитектурных сооружений или дворцовых интерьеров.

Владимир Владимирович очень много работал, умел легко вовлекать в дело окружающих, особенно когда сам нуждался в выполнении той или иной работы для задуманного издания. Кажется, весной 1990 г. он позвонил мне домой с выражением удивления, что вготавливаемых им сборниках «Геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны» нет моей статьи. — «Так я же не воевал, Владимир Владимирович». — «Я это знаю». — «Я находился в тылу, и даже в зарубежном тылу». — «И это знаю». — «Но я через 10 минут уезжаю в больницу и, вероятно, недели на две». — «Вот и хорошо. Там спокойно и напишите». В тот же вечер в палате я стал писать краткий отчет о своей геологической деятельности в 1941–1945 гг. в Китае, Средней Азии и Казахстане. (Две мои большие работы по Тянь-Шаню и его депрессиям так и не увидели света.) Очерк назвал «Далеко от войны», и неожиданно он стал очень популярным. За эту спокойную настойчивость я очень благодарен Владимиру Владимировичу, так как этим небольшим очерком В. В. Тихомиров дал мне возможность объяснить, почему в дни войны я был так далек от фронта.